

В рамках подготовки к конференции Паола Ланаро взяла интервью у автора “Нематериального наследства”, перевод которого на русский язык редакция журнала “Одиссей” публикует с ее любезного согласия⁴.

ИНТЕРВЬЮ С ДЖОВАННИ ЛЕВИ

Джованни принимает нас у себя дома. За спиной у него великолепная библиотека, его знаменитая фантастическая библиотека.

Расскажи нам о твоей жизни, Джованни.

Рассказать собственную жизнь невозможно, на это понадобилось бы семьдесят лет. Мы обычно так говорим, когда занимаемся нарративной историей: “Расскажите нам о своей жизни”. Могу немного сказать о том, как я сформировался. Я вырос в очень политизированной семье, это была еврейская семья, и думаю, что эти два момента сильно повлияли на меня в детстве. Я родился в 39-м году, поэтому на протяжении всей Второй мировой войны принимал в ней участие, как ребенок, конечно. Должен признаться, увлекательно проводил время и во время расовых преследований, и в годы, когда мы прятались, и звали меня не Джованни Леви, а Джованни Кардоне. Дети воспринимают как реальность лишь то, что им знакомо, и они не подозревают, что нормальная жизнь это не война, не подполье и не смена имени. Я играл с местными детьми в горной деревушке в Пьемонте, где мы скрывались с матерью и братьями, потому что мой отец был партизаном. Играли в фашистов и партизан, в другие похожие игры. Это был очень трудный период, ужасный для матери и тяжелый для отца, но для нас, по сути, он был радостным. Нельзя сказать, что мы не осознавали опасность, – мы ее вполне сознавали. Но мы не понимали, что опасность – не норма, мы думали, что обычная повседневная жизнь именно такова.

Думаю, что эти обстоятельства сыграли важную роль в формировании моей личности. В те годы я научился двум вещам. От моего отца я усвоил, что нужно всегда заниматься политикой и что все, чем мы делаем в жизни, имеет политическое значение. Кроме этого, я осознал, что мы принадлежали к меньшинству. Я всегда думал, что большое преимущество того, что ты родился в еврейской семье, состоит в обострении гражданского чувства, возникающего, когда ты являешься частью меньшинства. Именно

меньшинства должны диктовать историю, и на самом деле так и происходило, потому что уважение к меньшинству является определяющим для демократических обществ, в то время как большинство доминирует и делает это зачастую в негативном смысле. Думаю, что единственный раз, когда евреи стали большинством в отдельной стране, они создали себе огромное количество проблем, но об этом мы, может быть, поговорим потом. От моей матери я усвоил нечто другое. Благодаря ей у меня сформировалась такая моральная черта, как снисходительность. Она состоит не в том, чтобы принимать сторону другого человека, а в том, чтобы осознавать, что другие, даже когда не правы, имеют на это свои причины. Необходимо понимать, в чем смысл таких решений, и каков контекст, в рамках которого люди их принимают. Думаю, что, наверное, в моем самом первичном формировании сыграли свою роль эти три элемента: политика, меньшинство и снисходительность. И это происходило с самого маленького возраста, с первых лет.

Потом в 45-м я приехал в Турин. В Турине наш дом был разрушен, и поэтому мы все жили в одной комнате. Комната была пустая, она принадлежала Примо Леви. Все думали, что он умер, а он неожиданно вернулся, и мы переселились в комнату другого кузена, который погиб в Освенциме. Его звали Ренцо Фубини, он был крупным экономистом, переводчиком Джевонса на итальянский язык, а потом его убили в Освенциме. Затем потихоньку отстроился наш дом, хотя не хватало все-таки одной четверти. Мы жили в Турине, на улице Биццекка, дом 11, а в 45-м году мои родители послали меня с братьями в еврейскую школу.

Еврейская школа в 1945 и 1946 гг. была абсурдным местом, в том смысле, что она была полна польских сирот и каких-то других людей, искалеченных войной. Мои родители были людьми совершенно светскими, по сути атеистами, и при этом были очень привязаны к еврейским традициям, они подумали, что надо бы показать, что еще остались на свете еврейские дети, и послали нас в еврейскую школу. Здесь в первое время был у нас раввин Делла Пергола, который смотрел на нас и плакал, потому что у него самого уничтожили всю семью, так вот, он каждый день как видел нас, так принимался плакать. А мы – я даже говорил об этом со своими одноклассниками недавно – не удивлялись, мы думали, что и в школах у гоев священник тоже входит в класс и начинает плакать. Эти уроки были трудными, потому что мы не знали, что нам делать: рисовали, болтали, а раввин Делла Пергола, которого

вскоре убрали, все плакал... Я это рассказываю, чтобы показать, какая была странная ситуация. Первые восемь лет моей жизни я посещал еврейскую школу, в которой каждое утро по часу изучали еврейский язык. Раввин Кало, который в глубине души был сам фашистом, после недели изучения еврейского алфавита сказал мне: “Джованни, читай”. Я должен был читать Шеман, а это официальная молитва, самая главная, которую каждый еврей должен знать. Я ее не знал, и он заставил меня читать текст, чтобы проверить: знают у меня дома эту молитву или нет. Я мог читать ее только по буквам, третье слово Шемана – “Адонай”, т.е. “Господи”, но это слово “Адонай” не написано, а написано было имя Бога, но имя Бога нельзя произносить. И когда я добрался до первой буквы этого имени и раскрыл рот, чтобы вслух прочитать его, раввин закричал: “Джованни, молчи!”, нельзя ведь называть имя Бога всуе. После этого он объявил: “У тебя всегда будет пятерка по моему предмету, но ты никогда больше не будешь читать на уроке!” Таким образом, я был лучшим учеником в классе, но так и не усвоил ни полслова по-еврейски. Я рассказал эти два эпизода, чтобы показать, что это была в действительности очень странная школа, там были перемешаны вальденсы и евреи, потому что евреев вообще было очень мало. Это была школа “уравненных в правах”, в которой смешали два меньшинства. Этот опыт обострил мое ощущение принадлежности к меньшинству.

Потом в 1952 или в 1953 гг. я переехал в Геную. Мой отец руководил фирмой “Ансальдо-Сан Джорджио”, и мы все переехали. В Генуе я посещал лицей, а по окончании лицея решил поехать в Турин по двум причинам: первая – там жила моя девушка Луиза Аккати, а вторая – в Турине был ФИАТ, а тогда начинались забастовки после многих лет репрессивной политики и запретов, направленных против рабочего движения. В тот момент Турин был центром так называемого политического обновления Италии, и мне казалось важным находиться в столице рабочего движения. Я поступил в Туринский университет. Должен сказать, что пришлось преодолеть некоторое сопротивление моего отца, который говорил: “Зачем ты едешь? Оставайся в Генуе, здесь тоже есть прекрасный университет”. Он написал своим товарищам по политической борьбе – Норберто Боббио и Франко Вентури: “Мой сын хочет поступать в Туринский университет, что все-таки лучше Турин или Генуя?” И оба ответили практически одинаково: университет не так важен, важны библиотеки, а библиотека Беррио в Генуе великолепная и совсем не нужно ему ехать в Турин.

Тем не менее я настоял, и в конце концов мой отец разрешил мне поехать в Турин, где я жил в студенческом общежитии во время учебы в университете. Моим научным руководителем был Альдо Гароши, а диплом я писал с ним, с Франческо Форте и с Сандро Ломбардини, потому что работа была по экономической истории. Одной из политических тем, которую я считал важным раскрыть, была такая: причины, по которым фашизм поддержали аристократия и крупные землевладельцы, и почему он так сильно укрепился в первые же годы. Центральной фигурой моей работы стал Альберто Де Стефани, фашистский министр финансов. Он жил в Риме, я, естественно, встретился с ним и записал интервью, потом обсуждал диплом и с другими экономистами помимо Гароши.

В те же годы я много занимался политической деятельностью. Меня не то чтобы арестовывали, но три раза отводили в квестуру за пикеты перед зданием ФИАТ. Один раз судили за участие в неразрешенном митинге, потом оправдали, затем я участвовал в “Красных тетрадах”⁵, а в 58-м несколько месяцев провел на Сицилии, работал с Данило Дольчи, который писал книгу “Непроизводительные расходы”. Я должен был опрашивать сельскохозяйственных рабочих, батраков, но они оказались неадекватными, в том смысле, что полны противоречий. Например, мы их спрашивали, сколько рабочих дней у них было в прошлом году, они отвечали: примерно пятьдесят. Мы складывали их с другими видами деятельности, получалось 550 рабочих дней в год и тому подобное. Тогда у меня возник спор с Данило Дольчи, я ему сказал: “Слушай, опросы так не делаются, они не годятся”. А он ответил: “Мне через две недели сдавать книгу в издательство”. Мы разругались, а потом книга вышла без наших интервью или, точнее, с нашими интервью, но подвергшимися сильным манипуляциям.

Получив диплом, я сразу пошел работать в научный институт, который занимался экономическими и урбанистическими исследованиями (моя первая статья появилась в журнале “Урбанистика”). Я участвовал в большой работе по реализации программы в шести коммунах в районе Савоны, много ездил по долине Бормида и по городкам, которые входили в эту программу, год работал на “Сорис”. Потом эта фирма получила задание составить заключение, одобряющее увольнение 10 тыс. рабочих фабрики РИВ, которая производила шарикоподшипники и которую купила одна шведская фирма. Я уволился, а Гароши предложил мне место ассистента преподавателя, и я перешел в университет на 71 235 лир в месяц. В тот же момент Нерио Нези, человек, который руководил филиалом Сберегательного Банка в Турине, социалист,

предложил мне возглавить аналитический отдел с перспективой сделать карьеру экономиста или банкира. Но я отказался, и они предложили это место моему товарищу по партии, который работал в Конфиндустрии⁶. Мне казалось противоречием то, что он там работает. Он, однако, стал впоследствии очень важным банкиром и оказался замешан в знаменитом скандале с Банком Национале дель Лаворо вместе с Нези. Мне же удалось всего этого избежать, и я продолжал себе заниматься историей. Вот о чем еще хотел сказать: этот период моего становления совпал с организацией у нас в университете мощной ячейки социалистической партии, и мы заняли социалистическую секцию в Борго Сан Сальварио, самую крупную в Пьемонте... я ею руководил. Затем в 1963–1964 гг. Ломбардини начал говорить: “Давай выйдем из партии, давай выйдем из партии”, а на третий раз, когда он это сказал, я взял и вышел, к тому же ИСП уже объединилась с Социал-демократической партией, что для меня было уже совсем невыносимо. В итоге, в 64-м году я стал беспартийным. Скажем, вот так я сформировался, примерно так.

Джованни, скоро мы с твоими учениками и друзьями соберемся и будем говорить о микроистории. Расскажи, как ты пришел к историческим исследованиям, к формированию нового метода, почему именно микроистория?

Микроистория возникает гораздо позже, в 80-х. Здесь мы перескакиваем из 1964 в 1980 г. Если кратко, то, конечно, микроистория родилась и из моего политического опыта. Мои учителя Гароши и Вентури были историками идей. Я же тем временем все более формировался как историк экономического направления, поступил даже на экономический факультет и уже имел опыт этой работы, давшей мне очень многое в плане локальных исследований на конкретной территории. Когда мы выходили с Вентури из редакции “Ривиста Сторика Италияна”⁷, я на прощание обычно поднимал вверх сжатый кулак, а он мне отвечал шутливым неприличным жестом. Но полемика у нас была серьезная. Вентури говорил: “Мне интересно то, что происходит здесь (в голове), а тебе интересно то, что происходит здесь (в желудке)”. И это действительно была хорошая метафора наших разногласий. В любом случае, меня очень интересовали историко-социальные аспекты, которые могли каким-то образом объяснить и политические события.

Между двумя этими темами была сильная связь. После 1964 г. я был участником рабоче-студенческих групп, которые действо-

вали в разных местах, но в особенности в долине Суза. Все не буду рассказывать, но помню, что они мне давали сильнейшую реальную связь с идеологией *рабочецентризма*. А затем постепенно стало приходить понимание того факта, что здесь что-то не так. Рабочие все время нам говорили: “Мы очень довольны, что вы, студенты, изучаете то, что происходит у нас на фабрике, как формируется наша зарплата и т.п., но наша жизнь состоит не только из работы на производстве, мы считаем, что свободная часть нашей жизни как раз вне фабрики. А вы все-таки одержимы именно производством”. Этот конфликт многое мне объяснил. Я понял, что зачастую революционные тенденции и движения тех лет были связаны с избыточным *рабочецентризмом* самого рабочего движения и всей социальной ситуации. Постепенно я пришел к убеждению, что та история, та историческая интерпретация, которую давали левые историки, марксистские историки, да и политики-марксисты, была сильно позитивистской, т.е. она объясняла политическое поведение автоматически, исходя из того, что якобы рабочий класс исходно солидарен и имеет исходно *левые* убеждения. Это не соответствовало действительности.

Такое объяснение было очень механистическим. На самом деле при всем этом левом имидже внутри него, *под* ним скрывались автоматические подходы и понятия об автоматической солидарности, которые были неточными и неправильными. Я думаю, что размышления об этом подтолкнули меня и остальных к выводу о том, что мир все-таки более сложен.

Необходимо было вернуться к сложности, т.е. к постановке вопроса о том, как на самом деле функционировали классы, что там внутри, из каких фрагментов они состоят и как при помощи микроистории ставить и решать аналитически более точные задачи, главная из которых – проблема раскрытия сложного. Это стало особенно очевидно в конце 70-х и в начале 80-х, т.е. после крупных выступлений, прошедших с 1964 по 1972 г. Я помню, кстати, как в 1964 г. происходили сильные волнения в Туринском университете и мне пришлось прятать ректора в шкаф. Потом наш вахтер каждый раз при встрече спрашивал меня: “Профессоре, а помните, как Вы заперли ректора Аллара в шкаф?”

Начиная с июля 60-го года был долгий период активизации общественных движений и брожений, в которых я активно участвовал. Потом был 1968-й, но я пережил его несколько извне. Я был тогда ассистентом и участвовал в захвате Палаццо Нуово в Турине, хотя мое участие в этих событиях не было ведущим. На самом деле в воздухе витало что-то такое, чего левым не уда-

лось уловить и понять. Нечто основополагающее, базовое. Лично для меня, но не для всех тех, кто занялся микроисторией, именно оно и стало фундаментальным объяснением, основным фактором, который подтолкнул нас к рассмотрению реальности в микроскоп для того, чтобы попытаться вернуть ей сложность.

Спустя 25 лет после публикации “Нематериального наследства” изменилось ли твое мнение о микроисторическом подходе, особенно с учетом того, что привнесли в него твои ученики?

Конечно, изменилось, и во многом. Мне кажется, что микроистория в том смысле, о котором я сказал, была все-таки очень связана и обусловлена особенностями мировой и итальянской политической ситуации 80-х годов. Потом положение вещей сильно изменилось. Сейчас, например, передо мной стоит совершенной иная проблема, которая, конечно, является микроисторической, но в то же время и макроисторической. Моя фундаментальная проблема сегодня вот такая: что такое католическое государство? Думаю, что оно сильно отличается от того, каким было раньше, в том смысле, что сейчас перспектива социализма от нас далека. Я не в восторге от Франсуа Фюре, но одна его мысль на меня всегда производила впечатление. Его книга политических воспоминаний начинается так: “Наше поколение выросло с идеей, что после капитализма будет социализм, а теперь мы в шоке от того, что после смерти социализма наступил опять капитализм”. Я думаю, что на самом деле этот шок – портрет замешательства самого недавнего периода. Речь идет об этом сумасбродном капитализме, который в последнее время переживает чрезвычайные трудности. На наших глазах демократия все больше проявляет свою неэффективность: перед ней встает проблема не представительства, а управляемости, т.е. противоположности самой демократии. Поэтому я думаю, что проблемы сейчас возникают специфические и для их решения нужна постановка новых вопросов. Затем сегодня мы имеем феномен Берлускони, а Берлускони содержит в себе элемент большой тайны. Почему итальянцы столь пассивны перед лицом этого явления?

Итак, стоящая передо мной сегодня проблема весьма отличается от всех предыдущих: я хочу попытаться понять, что такое католическое государство. Я всегда считал, что в католических странах жить хорошо, потому что это в сущности очень анархичные страны. Но мы должны задуматься над тем фактом, что все они – от Латинской Америки до Польши, от Хорватии до Италии и Испании – будучи весьма свободными в некоторые периоды

своей истории, не избежали все-таки долгих фаз диктаторского правления. Передо мной сегодня стоит вопрос: что это означает? Какая связь между авторитарными системами, которые доминировали в течение долгих десятилетий в католических странах, и католицизмом, политическим аспектом католицизма? Можно ли использовать микроисторию для решения этой проблемы? Думаю, конечно, да, и книга, над которой я все более вяло работаю уже десять лет, как раз с этим связана, т.е. с тем, как функционирует католическая экономическая система, как функционируют институты католической системы. Не могу сказать, что здесь есть какой-то отрыв от микроистории, я бы сказал, что это продолжение, но опять с сохранением внимания на политических аспектах.

Ты спрашиваешь, чему я научился у моих учеников? Очень многому, наверное, трудно перечислить все подробно, скажу просто: я научился у них сложности, т.е. понимаю того, что сложность – это реальная проблема исторического познания. Я усвоил одну мысль, которую, думаю, историку было бы полезно держать в голове все время. Историки не должны обобщать свои ответы. Настоящее определение истории состоит в том, что это наука, которая обобщает вопросы, т.е. задает такие вопросы, которые, имея общее значение, имплицитно при этом бесконечное количество возможных ответов на локальном, местном уровне. То же самое в католицизме. Католицизм включает в себе общий вопрос. Не хочу сказать, что все католические страны ведут себя одинаково. Они ведут себя чрезвычайно разнообразно. Но именно связь между общим и локальным – это то, что я усвоил из истории и из исследований моих учеников, друзей и коллег. Сегодня, впрочем, они уже не ученики, а коллеги.

Некоторое время назад ты признавался, что исторические исследования в Италии и в других странах, их предмет и содержание, вызывают недоумение. Что ты сегодня об этом думаешь, что тобой движет как историком, какие обязательства ты на себя берешь?

Нет, по поводу работы историка, у меня нет недоумения. Я просто констатирую: те, для кого пишется история, и сама роль истории сегодня очень изменились. На протяжении долгого времени история доминировала, и эта доминирующая роль транслировалась через книги. Сегодня новые поколения позиционируют себя по-другому по отношению к историческим фактам и к новым средствам коммуникации, таким, как СМИ, которые на

самом деле внушают идеи, противоположные принципам работы историка: упрощение и быстрота, а наша работа как раз состоит в усложнении и в медленности. Ведь мы тратим очень много времени на написание книги или на проведение исследования, мы ищем сложность. Я часто привожу в пример телевидение: с экрана все время внушают, что важно воспринимать Гитлера наравне со Сталиным, а работа историка состоит в том, чтобы показать, чем Гитлер отличается от Сталина. Они оба злодеи, но задача в том, чтобы найти не сходство между ними, а различие.

Это массированное присутствие СМИ создает историкам огромные проблемы, проблемы нового типа, и из-за них в работе историка происходит кризис. История стала корпоративной, утратила свою прежнюю роль и сейчас находится в поисках новой роли. Это, наверное, первая причина моей растерянности и недоумения. Вторая состоит в том, что у истории был период славы и величия, это была наука наук среди гуманитарных дисциплин. Подобный успех во многом затормозил ее развитие. Это выразилось и в методе повествования, и в авторитарном подходе, и в степени рациональности, сказавшись на отношениях с читателями и на использовании инструментов формализации социальных явлений. Думаю, что эти недоработки играют на руку атакующему ревизионизму, я понимаю под ним некую форму отрицания исторической действительности и бесконечные возможности для манипулирования ею, в то время как историки оказываются безоружными, запертыми между идентификационным деконструктивизмом, историографией и беллетристикой, с одной стороны, угрожающим релятивизмом – с другой.

При этом теряется то, что характеризует историю: сближение с реальностью при множественности углов зрения и отправных точек для размышления. Это постоянное сближение, которое, впрочем, никогда не может быть полностью осуществлено. Вот почему все историки пишут одну и ту же книгу. Они пишут сотни работ в год по Карлу V не потому, что 99 процентов из них лживые и только одна правдивая, а потому, что происходит увеличение числа разных точек зрения. История имеет дело с границами человеческого знания. Критика реальности, критика исторической истины – это одна из сторон кризиса, возникшего из-за запозывания историографии, которая запуталась в вопросах методологических построений.

В конце нашей встречи могу я тебя спросить, Джованни, что ты будешь делать, когда вырастешь? (смех)

Что буду делать, когда вырасту, не знаю... в любом случае, речь идет о планировании всего лишь нескольких лет. Обычно, отвечая на этот вопрос, планируют всю жизнь, а у меня количество лет ограничено. Мне бы очень хотелось поменять профессию, но вряд ли, когда я стану большим, у меня получится это сделать. Поэтому, думаю, что продолжу заниматься историей. Закончу книгу по проблемам потребления в католическом обществе, которое, по-моему, многое объясняет и в современной политической системе. Останусь в этой стране, несмотря на то, что меня привлекают другие страны, такие, как Латинская Америка и Магриб, но все-таки, наверное, я смогу поехать туда пожить, чтобы хотя бы, скажем, посмотреть на Италию со стороны и ... лучше понять ее. Не знаю, удалось ли мне ответить на твой вопрос!

Спасибо, Джованни, и ... мы ждем твою новую книгу.

г. Венеция, март 2009 г.

Интервью записала Паола Ланаро, проф. экономической истории Венецианского Университета Ка Фоскари.

Пер. с ит. и коммент. Н.Г. Тереховой

¹ Джованни Леви (род. в 1939 г.) – всемирно известный современный итальянский историк, стоял у истоков разработки микроисторического исследовательского подхода, возникшего в 70–80-е годы прошлого века в Италии и оказавшего плодотворное влияние на развитие исторической науки за рубежом и в нашей стране. Дж. Леви не только талантливый ученый, но и общественный деятель, педагог, объединивший вокруг себя многочисленных учеников и последователей.

² A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi /a cura di Paola Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 (Здесь и далее сноски даны на это издание в тексте).

³ Стариканус

“Только вдумайся
Сколько знает
История хитрых троп и кривых
ходов,
Сколько потайных
Запасных выходов, как морочит нам голову,
нашептывая о славе,
Как навязывает мерила тщеславия.
Только вдумайся,
Она одаряет нас лишь когда мы заезаемся
И одаряет столь аффективно содрогаясь,
Что нам становится мало”.

Пер. на рус. яз. по изд.: *Элиот Т.С.* Полые люди. СПб., 2000. (Б-ка мировой литературы. Малая серия).

⁴ A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi. P. 169.

- ⁵ “Quaderni rossi” (“Красные тетради”) – итальянский марксистский теоретический журнал, существовавший с 1961 по 1966 г., оказал большое влияние на развитие марксистской мысли, стал центром притяжения операистского интеллектуального течения.
- ⁶ Confindustria (Конфиндустрия) – Всеобщая конфедерация итальянской промышленности, основана в 1910 г.
- ⁷ “Rivista Storica Italiana” (“Итальянский исторический журнал”) – итальянское периодическое издание, посвященное вопросам истории и филологии, основано в 1884 г.

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

БИОГРАФИКА ХХ ВЕКА.
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВЕНИАМИНА ИОФЕ.
ИЗБРАННОЕ. 2003–2012. СПб., 2013

Сборник “Право на имя. Биографика ХХ века. Избранное” имеет свою историю (или, если угодно, свою биографию). Этот сборник – текущий (на 2012 год) итог одноименных Чтений, ежегодно проводящихся Научно-информационным центром “Мемориал” (СПб.). Следовательно, прежде всего следует дать читателю некоторое представление об этих Чтениях.

Чтения “Право на имя” посвящены памяти основателя и первого директора петербургского НИЦ “Мемориал” (СПб.) Вениамина Викторовича Иофе – историка, общественного деятеля и публициста, безвременно скончавшегося в апреле 2002 г. Первые Чтения памяти В.В. Иофе прошли в Петербурге год спустя после его смерти и с тех пор проводятся каждый год во второй половине апреля. Они быстро приобрели популярность и стали востребованы в научном мире: ежегодно из разных регионов России и из зарубежных стран приходит от 50 до 100 заявок на участие в Чтениях. К сожалению, по техническим и финансовым причинам организаторы обычно в состоянии удовлетворить лишь 25–30 из них.

С самого начала Чтения приобрели не узкороссийский, а международный характер, как по составу участников (среди них исследователи из Польши, Италии, Германии, Украины, США, Австрии, Молдовы, Франции), так и по эмпирическому материалу, служащему основой и отправной точкой для докладов. Конечно,

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431